Павел
Губарев
Карты
Местности
12+

Павел Николаевич Губарев

Карты местности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51361951
SelfPub; 2020

Аннотация

Фантастический рассказ с детективным сюжетом, неожиданно выходящий на тему психологии и психотерапии. Как если бы Рэй Брэдбери и Ирвин Ялом объединились для создания текста на стыке научной фантастики и научно-популярной прозы.

2050. Карты местности

Прежде чем мне стало неловко за мысль, что хочу заработать на имуществе мертвеца, я успел прикинуть, сколько стоят одни только контроллеры движения. Соблазн был большой, тем более что я ничего не крал и вообще ничего противозаконного ещё не совершил. Разве что взломал замок гаража.

Да, взломал замок. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, надо было звонить в полицию. Но в моём рюкзаке – как и всегда – валялся набор отвёрточек, да и замок был совсем простым.

И внутри, за дверью, что-то стучало и тикало. Робот, скорее всего. А я не могу просто так стоять и слушать, как механизм расшибает себя впустую.

И главное, я был не в своей тарелке с утра.

Сегодня утром я позвонил М*** в очередной раз. Посидел, послушал гудки. Пятый гудок. Шестой, седьмой.

И вдруг понял, что тот умер.

Не мог же он просто взять и пропасть на три месяца. Скорее всего, просто умер. Хотя М*** не выглядел дряхлым: полностью седой, но ещё очень бодрый. Двигался не по-стариковски и смотрел ясно. И глаза были всегда красными, как у человека, который любит читать допоздна. Интересно,

сколько именно ему было лет?

А кем он работал? И где живёт?

Чем больше я думал про это, тем больше мне хотелось, чтобы он взял, наконец, трубку.

Я не был готов к тому, что он возьмёт и исчезнет. Ещё меньше – к тому, что мне станет его не хватать. И что мне станет интересно, кто же на самом деле такой этот странный дед.

У меня все клиенты странные. И мне одинаково всё равно, кто они и почему ко мне обращаются. Я запрещаю себе этим интересоваться из деликатности. Но у меня всегда было чувство, будто я ещё что-нибудь узнаю об М***. Расспрошу.

Но он просто умер.

Больше двух лет М*** приходил ко мне с заказами. Приносил с собой одинаковых роботов неясного назначения: у них было тельце размером с кулак, не имевшее никаких портов и выступающих частей. Разве что простые ножки или гусеницы, чтобы бегать или ездить. От меня требовалось немного программирования. Замена микросхем, добавление функций. Мелкий ремонт.

Такого хорошего заказчика потерял. Чёрт. Хотел уже бросить работу и полностью перебраться в свою лавочку. Маленькую, но свою.

Дед исправно платил, но я вдруг понял, что расстроился не из-за денег. Хотя из-за чего в таком случае?

Ко мне часто приходят с заказами на секс-игрушки. Но

М*** не похож на человека, которому такое нужно. Ещё он не похож на наркоторговца и выжившего из ума богача. Строго говоря, он ни на кого не похож.

Не был похож.

Я заставил себя поискать в интернете его имя. Итак, М*** был художником. Умер два месяца назад. Он не забрал свой последний заказ и больше никогда ничего не закажет. И я не знаю, где бы мне ещё такого клиента взять.

Я положил три механизма в обувную коробку и отправился туда, где отдавал заказы М***. У него был небольшой домик с гаражом возле парка. Обычно он встречал меня на крыльце, всегда одетый во что-то белое, как будто сегодня праздник. Я собирался постучать в двери, и если дома окажется кто-то из родственников, отдать заказ. И быть может, что-то узнать о старике.

Мне никто не открыл. На улице никого не было. А изнутри гаража что-то стучало. Вот я и не выдержал.

Внутри пахло смазкой, как у меня в мастерской. Через дверь в гараж проникло немного света: достаточно, чтобы разглядеть, что лежит на стеллажах – роботы, конечно. Все эти маленькие странные механоиды, с которыми я имел дело.

Их было много. Непривычно много. Я и подумать не мог, что за эти годы столько перечинил. Мы встречались с М*** несколько раз в месяц. Я брал их на ремонт по одному, может по паре за раз. И вот они здесь все в этой комнатушке.

Некоторые шевелятся.

Но кто и зачем будет хранить это всё?

И главное: для чего они? И почему они так выглядят?

Когда он мне их отдавал, они были без корпуса. Обычно воображения и смекалки хватает догадаться, какой корпус будет у игрушки. Я стараюсь об этом не думать. Вы не поверите, когда узнаете, какие задачи поручают роботам. Если робот достаточно умён, чтобы диагностировать передозировку у владельца, то некоторые доверяют ему свою жизнь. А когда начинают доверять свою жизнь, то потом доверяют и всё остальное. И уж тем более…

Нет, это не для секса. Говорят, седина в бороду – бес в ребро. Борода у М*** была замечательная, а насчёт беса я сильно сомневался.

Я выключил того робота, что стучал, и взял его на руки.

Робот размером чуть больше моего кулака. Формой почти как яйцо, серый. Пахнет пылью. Напоминает чесночную головку, но весь будто помятый и в целом не очень похожий на растение. И вообще ни на что живое.

И ведь это я потрудился над тем, чтобы он смог снова ходить. И летать. Вот только куда? Куда прикажут. Можно задать координаты. Можно включить распознавание лиц, так что робот дойдёт до нужного человека. Обычно так делают для самодоставляющихся посылок.

Но это – вот это вот – оно зачем кому такое нужно?

Я решил, что задам вопрос родственникам М***, когда

их разыщу. Невежливо совать нос, но в конце концов: я потратил сотни часов своей жизни на эти округлые… как их назвать?

Я задумался. Потом понял, что взломал дверь и стою в гараже, куда меня никто не приглашал. И прежде чем искать родственников М***, надо убрать следы взлома.

Я аккуратно поставил затихшего робота на полку и починил замок.

А через день снова взломал эту дверь.

Спустя несколько дней я начал обманывать и следить, а потом практически убил человека. Но сперва взломал дверь.

Никаких родственников я найти не смог. Старик жил один. Старик занимался не пойми чем. У старика было мутное прошлое. Итого я имел целый гараж маленьких роботов и никаких объяснений.

Тогда я решил посмотреть на них поближе. Взял рабочий компьютер, рюкзак с проводами и адаптерами, закрыл офис и направился к гаражу, стоящему на окраине городского парка.

Почему я захотел уйти на фриланс? Потому что не мог уже больше сидеть на работе. Точнее, потому что не мог часами программировать из точки А в точку Б по техническому заданию, которое мне спустил менеджер со своего четвёртого этажа на мой сто шестой. Сижу, вожу мышью по коврику, выставляю свойства программного объекта, и чувствую,

как рука тяжелеет. То ли жизнь проходит мимо, то ли я прохожу мимо жизни.

И я открыл свою лавочку. Ко мне стали обращаться разные странные люди с горящими глазами и заказывать вещи, которые не купишь в магазине. За это я брался с азартом. Отказывал только явно криминальным типам. К которым М*** явно не относился.

Хотя теперь я и не знал, что про него думать.

Я обвёл взглядом стеллаж.

– По крайней мере я знаю, что вы не бомбы. Не шпионы. Не наркокурьеры. Но кто вы такие?

Роботы не отвечали, хоть и были напичканы очень умной электроникой. И кстати, очень недешёвой. Я почувствовал сладкое щекотание в животе: если это барахло разобрать на запчасти, то можно очень неплохо перепродать некоторые чипы. У меня иногда случался неожиданный навар: бывало, клиент не возвращался за заказом месяцами, и я с чистым сердцем пускал запчасти в оборот, ощутимо наращивая маржу за счёт дармовых комплектующих. Прежде чем я почувствовал неловкость за мысль, что хочу заработать на имуществе мертвеца, сходу успел прикинуть, сколько стоят одни только контроллеры движения во всех этих тушках. В животе защекотало ещё сильнее.

Суммы хватало с лихвой, чтобы уволиться, дать рекламу фирмёшки и стать себе хозяином. Последние два года я тянул заказы параллельно с основной работой и изрядно устал.

«Заявление, – подумал я, – прошу уволить меня по собственному очень большому желанию».

Как можно прожить интересную жизнь? Не знаю. Но знаю, как прожить скучно: нужно всё время просидеть в офисе. Чтобы не сидеть в офисе, нужно, чтобы за тебя сидел кто-то другой. Ты должен открыть фирму и нанять работников. Для этого нужен стартовый капитал.

У меня не было стартового капитала, но была девушка. И был страх. Страх увидеть разочарование в её глазах и услышать «Но мы же не можем себе этого позволить». Сам я не боялся быть бедным: в бедности прошло всё мое детство. Но когда я представлял себе её лицо и серо-голубые глаза, в которых читается разочарование, то мне казалось, что есть два будущих.

Будущее, в котором мы слушаем джаз на большой веранде, открытой морю.

И будущее, в которое мы войдём, как в облезлую хрущёвку. В этой хрущёвке окна выходят на другую хрущёвку. Чердачные люки ведут не на крышу, а в подвал другого серого панельного дома. Вы начинаете паниковать и хотите выбежать из подъезда, жмёте на кнопку, железная дверь с писком открывается, и вы оказываетесь в затхлом подъезде другой хрущёвки – с такими же потемневшими углами и облупленной штукатуркой.

Все хрущёвки одинаковы, каждый человек, живущий в хрущёвке, несчастен по-своему.

Рука потянулась к карману, я вытащил смартфон и стал набирать сообщение для поставщика комплектующих, но, поколебавшись, стёр.

Вдруг выяснится, что целые роботы будут стоить больше, чем запчасти. Мало ли, что придумал старик. Быть может, вот эта штука, похожая на подгнившую луковицу на ножках, умеет… умеет… Нет, идей у меня не было.

Я включил нескольких наудачу. Некоторые роботы остались без движения. Трое после включения выскочили из гаража, прежде чем я успел их поймать, и резво уехали прочь. Два экземпляра улетели. Тогда я решил: сперва сканирую память, потом включаю. Я просидел с уродцами, пока не стемнело, а потом снова пришёл с утра.

В нескольких из них нашлись адреса, по которым робота можно было отправить. Адреса и даже фотографии.

Уверяю вас, я держался до последнего: потратил несколько дней, копаясь в электрических мозгах: раскидал запчасти по стеллажам и полу, стараясь не накрошить чипсами на детали. Спина моя ныла от сидения в углу гаража на неудобном стуле. Я не нашёл ничего: ни плана, ни инструкции, ни чертежа, которые бы могли объяснить, какой команды ждут эти штуки.

И тогда решился на эксперимент.

Выбрал одного из роботов, в памяти которого были адрес и фотография. Перепрошил настройки, отвечающие за способ перемещения с полёта на шаг – и запустил доставку. И

проследил.

Робот бежал по улице. Я шагал за ним, иногда тоже переходя на бег. Если вы думаете, что хоть одна сволочь сочла это подозрительным, то вы ошибаетесь. Увы.

Чем больше город, в котором ты живёшь, тем больше найдётся людей, которым ты совершенно не нужен. Тем проще затеряться. И – тут я это понял в первый раз – если ты гарантированно хочешь, чтобы к тебе никто не пристал, то лучше производить впечатление лёгкого сумасшедшего. Бормотать что-нибудь под нос, посматривать диковато на прохожих, шумно топать по слякоти. Ну или спешить с нервным видом за роботом странной формы.

«Чёрт, – подумал я, – как я дошёл до жизни такой? Это жадность? Да/нет/не знаю?»

Если бы сейчас меня схватили за рукав и спросили, в каком городе я живу, я бы сказал: «В капиталистическом». Прохожие, мимо которых мне приходилось маневрировать, были либо рабочими, либо владельцами средств производства. Это со мной началось вчерашним вечером, когда посмотрев на стеллаж с роботами, я вдруг сказал вслух: «Они мои». И хотя я понимал, что у закона на этот счёт другое мнение, я почувствовал, что имею право на механоидов. Я менял шестерёнки, прикусив язык от напряжения, ломал голову над кодом, часами вдыхал запах канифоли.

Моя девушка, послушав это, сказала, что я говорю чуть-

чуть марксистские вещи. А для будущего владельца фирмы даже чуть-чуть марксизма это уже слишком.

– Глянь в зеркало, – сказала она, – не растет ещё борода и Фридрих Энгельс из левого плеча?

Она очень мило улыбнулась, но мне было невесело. Я понял, что меня загнали в угол, и посмотрел в зеркало, чтобы выиграть время.

– Я вижу в зеркале человека, который родился во времена, когда страна трещала по швам, – ответил я. – Мои родители бежали из Казахстана. Мы оказались в городе, в который при царе ссылали неугодных дворян. Каждый человек, который что-то соображал, мечтал оттуда выбраться. Эта карма ссыльного города досаждала не меньше, чем жара и пыль. Я выбрался в столицу. А М*** здесь жил всегда. Сытый, с квартирой в центре. Он был художником, то есть развлекался всю жизнь.

– Это если роботы для развлечений. Ты ведь не знаешь. Может, он ими зарабатывал.

– Вот именно. Я почему-то отмёл с порога теорию, что это не секс-игрушки. Но что, если это так? Что если он держал электронный бордель?

Девушка нахмурилась и отвернулась: ей не нравились подобные разговоры.

– В любом случае, – сказал я. – По факту я был его наёмным работником. Не имею ли я право на долю в предприятии?

Она пожала плечами.

Тогда я подумал, что это означает «Я не знаю, отстань». Сейчас, хлюпая ботинками и потея под осенней курткой, я подумал, что это также означает: «Я не знаю, что с тобой происходит. И я тебя не узнаю́». Я и сам не знал.

Но знал, что не остановлюсь. Не сейчас.

Я свернул вслед за роботом в арку. Потоптался у подъезда, пока кто-то не открыл дверь. Взбежал следом на третий этаж и поднялся ещё выше на площадку между этажами так, чтобы видеть дверь, перед которой остановился робот.

Робот подпрыгнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл носатый юноша лет двадцати пяти с видом полусонным и озабоченным. Он недовольно осмотрел пустую лестничную клетку, а потом его взгляд упал на робота.

Его лицо стало похожим на фарфоровую чашку. Потом на фарфоровую чашку, которую разбили. Потом склеили. Потом чашка старалась сохранить прежний вид, но у неё плохо получалось.

Я разбираюсь в таких вещах, потому что несколько лет проработал с людьми, которым страшно или стыдно. Впрочем, я ни разу не видел, чтобы человеку стало очень страшно и стыдно за половину секунды.

– Что там такое? – спросили из глубины квартиры.

– Это… мне пришло… – пробормотал юноша. Потом кашлянул и сказал очень громко: – Это наушники. Доставка. Прислали новые наушники.

Он стал озираться, и я, стараясь не дышать, отошёл от лестницы. Дверь хлопнула. Я выглянул снова. Площадка была пуста. Парень забрал робота.

Тем вечером я не смог уснуть. А с утра отправился по тому же адресу. Чёрт с ним, подумал я. Спрошу его напрямую.

Дверь открыла женщина средних лет. Я назвал имя парня.

– Его нет, – ответила она. – А вы?…

– Его приятель, – сказал я. – Мы договаривались, что я зайду.

Женщина как-то странно промолчала.

– Мы договаривались, что послушаем новые наушники. Он вчера купил новые наушники. И мы…

– Ему плохо, – ответила женщина.

– Ладно… я зайду потом. До свидания, – сказал я и остался стоять.

– Послушайте, – вдруг сказала женщина, – вчера вечером он случайно принял большую дозу снотворного. Сегодня он в больнице. Пока не пришёл в себя.

Я не знал, что сказать. Но у меня на этот случай есть правило. Если нужно, чтобы человек разговорился, а задавать ему прямой вопрос неловко, то можно повторить его последнюю фразу.

– Он принял снотворное, – сочувственно сказал я. Мне и в правду было жаль парня с треснутым фарфоровым лицом. – Случайно. Слишком большую дозу.

– Целый пузырёк, – сказала женщина.

– Принял целый пузырёк, – повторил я. – Случайно.

И тут же понял, как это звучит. Никто не может принять целый пузырёк случайно. Господи Иисусе!

– Вы ничего об этом не знаете? – уже не скрывая беспокойства, спросила женщина. – Всё было хорошо. Уже давно всё было хорошо!

Я помотал головой.

– Извините, – сказал я. – Я перезвоню.

Женщина кивнула, закусила губу и стала смотреть в сторону.

Дверь захлопнулась, и я пошёл домой на ватных ногах.

Прежде чем отправить второго робота, я хорошо подумал. Сперва я даже решил от греха подальше разворотить их всех к такой-то матери. Даже назначил встречу с продавцом запчастей, чтобы сгрузить ему самые востребованные чипы. Но тут же написал вдогонку, что откладываю встречу. Я начинал думать о деньгах, но мысли упорно сбивались на то, что маленький робот сотворил с живым здоровым человеком.

Конечно, это могло быть простым совпадением. Но что-то мне подсказывало, что парень решил покончить с собой именно вследствие визита. «Что-то мне подсказывало» – это, конечно, неудачный оборот. Я видел, как его перекосило. И не мог забыть. Этого было более чем достаточно, чтобы разобрать механических уродцев от греха подальше.

Но меня-то их вид не пугал. Только приводил в замешательство. Они были какими угодно, только не страшными. Несуразными, насколько может быть несуразным дитя яйца и чеснока с хорошей электроникой внутри. Но не до такой степени, чтобы довести человека до самоубийства. В моём случае только свести с ума от любопытства.

Любопытство подогревалось тем, что возле гаражных ворот стоял почтовый ящик, и уже дважды в нём появились новые роботы. Кто их принёс – я не видел.

Я ещё раз постарался найти объяснение в прошлом М***. Однако столкнулся с проблемой: М*** был своеобразным типом. Он слушал песни, которые я не мог понять. Он жил непонятно на что и говорил непонятно о чём.

Мне нравилась его страсть, но читать о его жизни было как следить по телевизору за спортивной игрой, правил которой не знаешь. Я смотрел записи передач с его выступлениями и терял мысль примерно на третьей минуте, когда он второй раз произносил слово «феноменологически».

Я терпеливо отматывал назад и слушал, переставая жевать чипсы, чтобы не заглушать хрустом речь. Яснее не становилось, и я обычно соглашался с его оппонентами. Одним из оппонентов был какой-то учёный. Он говорил:

– Добро не существует само по себе. Как и зло. Это не отдельные сущности. Они не похожи на магнитные поля. Это не химические вещества. Вы не обнаружите их прибором.

– Но я как раз… – перебивал его М***.

– Нет, подождите! Вы всюду ищете платоновские идеи. Даже там, где их нет. Допустим: если вы видите что-то треугольное, то можете представить себе идеальный треугольник. Даже такую вещь как «треугольность». Вы считаете, что все треугольные вещи это подобия идеального треугольника. Но это работает не всегда. Вы не можете себе представить идеальную собаку, описывающую всех собак. Потому что нет чёткой границы между домашней собакой и диким волком. Всегда есть переходное звено, животное, которое было между ними. Пусть и вымершее. Мы можем говорить только о популяции собак и о популяции волков, между которыми провели условную черту. А на самом деле там есть серая зона. Так и добро и зло это на самом деле наборы добрых и злых поступков. Бывает добро, которое другие люди считают злом. Но люди хотят видеть идеальный чертёж, модель, абстракцию, правило, закон, концепцию, схему! Идею чистого добра и чистого зла. Такую же простую и ясную, как идея треугольника. Но это невозможно!

Мужик прав, так ведь? Хотя какая ему разница в самом деле – отдельная сущность добро или не отдельная. Мне бы его проблемы.

В ответ М*** нёс какую-то ахинею. Говорил, что люди живут не в объективной реальности, а внутри своей головы. Что мир для нас это пространство идей и представлений:

– Из чего состоят камни? Подумайте. Обычно мне в ответ говорят, что камни состоят из горных пород. Какого-ни-

будь оксида кремния. На самом деле камни состоят главным образом из пустоты! Пространство между ядром атома и соседним ядром атома во много тысяч раз превышает размеры самого ядра. Так что внутри них ничего нет. Но людям это знать не нужно. Камни достаточно твёрдые и плотные, чтобы на них наступать. Так видели мир кроманьонцы, так продолжаем видеть его мы. Если это для вас слишком абстрактно, подумайте вот о чём: кирпич состоит в основном из пустоты, но от этого не будет легче, если он упадёт вам на голову.

И что-то ещё про то, как эпифеноменологически разворачивать юмовское понимание «я».

Это на словах. А на деле он устраивал выставки. Брал людей, цеплял им датчики к шее и делал визуальные репрезентации комка в горле. Комка никакого на самом деле нет: это ощущение, которое создают напряжённые мышцы в горле печального человека. М*** это не смущало. Он цеплял датчики людям к голове, определял настроение; делал карты радости и печали в нашем мегаполисе. По его словам это и были настоящие карты местности. Обычные карты он печатал на бумаге и сжигал на открытии выставки. А карты радости и печали устанавливал в телефоны посетителям.

В общем – жил в каком-то своём мире. Впрочем, живи я в его мире, я бы тоже поставил себе какой-то особый навигатор.

Однако же в его роботах была нормальная навигация –

спутниковая. И в одном из них были вполне привычные координаты. Имя, адрес и фотография девушки. Я снова проследил за роботом. Когда девушка открыла дверь, я взял робота на руки.

– Здравствуйте. Не подскажете, что это такое?

Я снова увидел, как человек бледнеет на глазах. У девушки на лбу и щеках была какая-то сыпь, скорее всего из-за аллергии. Пятна – едва заметные сперва – вдруг стали чётко видны.

Впрочем, девушка быстро совладала со страхом и пришла в бешенство.

– А вы кто такой? Что вам от меня нужно?

Я тихо и вежливо повторил, что лишь хочу знать, что это такое, потому что я когда-то это ремонтировал.

Она поколебалась, а потом с шумом хлопнула дверью.

– Уходите, а не то я вызову полицию! – донеслось из-за двери.

– А вызывайте, – сказал я. – Надо разобраться наконец. Слушайте, я не хочу вас огорчать, но это какие-то опасные штуки и…

Я почувствовал себя глупо, собравшись объяснять перед закрытой дверью всю историю с М*** и гаражом, полным роботов, похожих на чесночные головки. Поэтому замялся.

Так мы и стояли добрых минут десять: я держал робота на руках, как непристроенного котёнка, потел, злился и рассматривал цифру «49» на двери. Я слышал, что по ту сторо-

ну девушка взволнованно дышит, но явно не торопится звонить в полицию.

– Вы прекрасно знаете, что это такое! Вы гад! – рявкнула она и отошла от двери.

Больше я от неё ничего не добился. Шагая по дороге к гаражу, я решил, что больше не буду трогать «мишени», как я назвал про себя тех, к кому бежали включённые роботы. Кроме мишеней был и стрелок.

Стрелок умер, но остался его оруженосец. Следить за почтовым ящиком самому было не обязательно. У меня в гараже было много десятков пар электронных глаз. Я выставил двух роботов на подогретый весенним солнцем асфальт, а сам развалился на раскладушке, слушая музыку. Я жил на диете из чипсов и молока, и это пора было менять, но уходить надолго за нормальной едой не хотелось. Так я квасился два дня, слизывая крошки с пальцев и обдумывая стратегию разговора с тем, кого я поймаю возле почтового ящика. Стратегий образовалось четыре: просьбы, запугивания, подкуп и обман. В момент, когда прозвучал сигнал извещения, я как раз размышлял, какую из них применять в зависимости от того, кто окажется возле почтового ящика. Наверное, подростка проще будет запугать, а старика разжалобить.

Я выскочил на улицу. Возле почтового ящика копошился человек. Он повернулся, заметил меня и направился ко мне так резко, что я проглотил слова от неожиданности.

– Я… ээ… здравств….

Человек не откликнулся, и прошёл мимо меня в гараж. Это был мужчина непонятного возраста, бледный и округлый, похожий то ли на женщину, то ли на подростка. С неподвижным, как у манекена, взглядом.

Он зашёл в гараж и стал шуметь. Я кинулся следом, но замер на пороге, потому что не знал, что делать.

Человек убирался в гараже. Взял веник и совок и стал подметать. Поднимал запчасти и детали корпусов на стеллаж, сметал крошки чипсов и обрывки изоленты в совок, расставлял коробки под стеллажом.

На меня не реагировал.

– Здравствуйте! – громко сказал я.

В ответ я не услышал ничего, кроме сопения и шороха веника.

– Здравствуйте! Вы можете сказать мне откуда эти роботы?

В ответ он вроде бы что-то сказал себе под нос. Я подошёл вплотную к нему и повторил вопрос ещё громче. Он ответил тоненько и монотонно:

– Из клиники. Конечно. Из клиники. Конечно, из клиники.

– Какой клиники?

– Из центра психического здоровья. Из центра психического здоровья..

Я сделал несколько шагов назад. Откуда взялся сам убор-

щик – у меня было мало сомнений. Из той же клиники. Я стал кусать ноготь, думая, что предпринять дальше. С сумасшедшими я разговаривать не умел. Так что из четырёх стратегий у меня осталась одна: кусание ногтя.

Человек закончил подметать и поставил веник в угол. Потом оглядел стеллажи и тоненько заскулил. Я вздрогнул, потому что не мог понять, что его смутило. Уборщик потоптался на месте, а потом кинулся к полкам и принялся переставлять роботов. Быстро и чётко, как расставляет фигуры опытный шахматист перед началом партии.

Закончив, он вышел. Я двинулся было за ним, чтобы проследить, но что-то меня удержало. Слежка ни к чему хорошему меня ещё не привела. Я остался стоять у дверей гаража, наблюдая как сгорбленная фигурка, семеня, удаляется в парк. А потом вернулся в гараж. И тут – с первого взгляда на стоящих в новом порядке роботов – я заметил то, чего не замечал раньше.

Они были разных сортов. Или, если можно так выразиться, выполнены в чуточку разных стилях. Как если бы их лепили из пластика и раскрашивали разные люди. Некоторые сорта были в одном экземпляре, некоторые – в нескольких.

Я почувствовал коротенькое ощущение удовлетворения: как будто я был в игре, где надо перемещать фигурки так, чтобы одинаковые становились в ряд и исчезали. Теперь, когда уборщик расставил одинаковых роботов в ряд, что-то

прояснилось. Или – по крайней мере – теперь я смогу перейти на новый уровень. Может быть.

Я опять закопался в данные, которые удалось наскрести из электронных мозгов. Но на этот раз разложил все находки по папочкам. Выяснилось, что и здесь есть порядок: если в робота были заложены координаты, то в тушках «одного стиля» находились координаты одного и того же человека.

Начав играть в компьютерную игру «три в ряд», очень трудно её бросить, особенно когда ходов осталось мало, а конец уровня маячит перед носом. Я, как человек, залипший в смартфоне, смутно осознавал, что прошло уже до чёрта времени, давно пора отложить игру в сторону и заняться делом. Но эти мысли были на краю сознания, а в основном голова моя была наполнена загадкой, которая вот-вот должна была разрешиться из-за того, что я нашёл какую-то закономерность.

Один из адресов оказался оказался адресом психиатрической клиники. А один из роботов этой же группы появился у меня уже после того, как я нашёл гараж. И ещё: один из роботов этой же группы сбежал на свободу в тот день, когда я, экспериментируя, беспечно включил нескольких.

Я решил, что раз первый визит робота к этому человеку уже состоялся, то можно нанести ещё один. Хуже не будет: либо тот робот уже сделал нечто непоправимое, либо этого человека моими роботами не напугать.

И вполне возможно, что бояться следует как раз мне. При-

виделся такой сценарий: я нахожу этого человека, сидящего в психиатрической клинике (суровое здание за бетонным забором с проволокой), он поднимает на меня дикий взгляд, щёлкает пальцами, и робот, повинуясь, разворачивается ко мне. Моё лицо трескается, как фарфоровая чашка, и я медленно подхожу к окну, чтобы прыгнуть оттуда вниз головой.

Как технарь я не очень-то верил, что роботы могут излучать что-то губительное для мозга. Да и не было у них внутри никаких излучателей. Но всё же я не психиатр, и мне было немного жутко. Да что уж там: иногда совсем жутко.

Но остановиться я не мог.

Бывало, когда М*** приходил ко мне в очередной раз с коробкой под мышкой, я говорил: «Добрый день. Это снова вы?». А он отвечал «Конечно. Охота пуще неволи». Я не придавал значения этой странной поговорке. А теперь почему-то её вспомнил. Что ж, если бывают люди, которые одержимы желаниями, то я, наверное, не худший из них.

Я перепрошил робота на ходьбу, активировал его, выпустил из гаража и отправился следом.

Идти пришлось недолго. Гараж М*** стоял возле парка, с другой стороны которого к деревьям жался милый кирпичный особнячок века XIX-го, переделанный под учреждение, вывеску которого я не успел прочитать, потому что робот спешил к адресату, как за вкусненьким. Но по всему получалось, что это и есть та самая страшная клиника. Робот смело подбежал к двери клиники, а я струсил и остался стоять в

парке – за деревом.

Робот подпрыгнул и ткнулся в звонок.

На крыльцо вышел немолодой человек в сером свитере. Он чем-то напоминал М***, но вместо седой бороды у него были седые волосы, требующие стрижки. Увидев робота, он замер.

Но к моему облегчению, не рассыпался на части и не схватился за сердце. Он чуть склонил голову и, не моргая, смотрел на механоида.

– Цып-цып-цып. Ну давай сюда. Ну давай.

У старика был сильный голос. Робот, переваливаясь, приближался к нему. Старик сделал несколько резких шагов, спустился с крыльца и схватил робота. Робот продолжил шевелиться в руках, но недолго: старик нащупал выключатель, спрятанный под корпусом и обездвижил машину. Старик сделал это уверенно, с первого раза, хотя чтобы добраться до выключателя, надо было отогнуть пластик, защищающий рычажок от случайных прикосновений, и потянуть его в нужную сторону – наощупь. Мне вспомнилось, как в детстве мой одноклассник ловил голубей и сворачивал им головы – хруст, и птица замирает.

Старик медленно выдохнул и поднял взгляд на дорогу, ведущую к двери клиники. Я увидел, как его лоб перечеркнула морщина, а уголки рта опустились, как будто он действительно убил голубя, но тот успел больно клюнуть. Старик внимательно осмотрел дорогу, потом повернулся вправо и стал

изучать окрестности, видимо, надеясь увидеть того, кто привёл робота. Я стал осторожно отходить назад – когда старик посмотрит влево, он наверняка увидит меня.

Дверь открылась, на пороге появилась девушка в белом халате. Старик повернулся к ней, спрятав робота за спиной.

– Кто там? Уже ушли? – спросила девушка.

– Ошиблись адресом, – ответил старик.

– Вас ожидает клиент.

– Который на четырнадцать тридцать?

– Да.

– Сейчас. Спешу.

Девушка исчезла. Старик ещё раз осмотрелся по сторонам, сгорбился и зашёл внутрь.

Я подождал несколько минут, переводя дух. Здание выглядело мирно: из парка ветром нанесло кленовые листья к крыльцу, так что подойти к нему можно было, неслышно ступая по мягкому. Старые кирпичи здания чуть обкрошились, поэтому у них не было острых углов. Всё словно бы приглашало подойти и обещало безопасность.

Я сделал три глубоких вдоха и вышел из-за дерева. Ручка двери легко повернулась, хорошо смазанный замок щёлкнул, но негромко. Внутри был пустой вестибюль, по-казённому окрашенные стены которого были увешаны объявлениями, плакатами, выписками из нормативных актов и фотографиями.

«Простите, а как я могу найти вот этого седого мужчину,

у которого сейчас клиент?… Нет, мне не назначено, я просто хотел спросить про роботов, которые…»

Я почувствовал себя глупо. Ещё было непонятно, с чего лучше начать расспрашивать старика. Он спрятал робота за спину, это значит… Стоп, а что он вообще здесь делает? Якобы лечит? Я ещё раз пробежался взглядом по объявлениям на стенах.

В коридоре послышались шаги. Я сфотографировал несколько объявлений и поспешил выйти на улицу. Отойдя от здания и повернув за угол, я пересмотрел снимки. На одном из объявлений был номер телефона. Я позвонил по нему сразу же – пока не перетрусил.

– Здравствуйте, – сказал я. – Я бы хотел записаться на группу поддержки.

– …и ты лежишь, – сказала девушка, – не можешь встать, чтобы помыть посуду. Ненавидишь себя за эту посуду. Кто ты такая, до чего докатилась? Уже на простейшее не способна. Скоро мыться перестанешь.

– Извини, пожалуйста, – сказала ведущая, – я напомню: надо говорить «я», а не «ты».

– Ах, да, опять сбилась. Извините.

– Ничего-ничего, – пробормотали в группе.

– Лежу целый день. Не могу помыть эту долбаную посуду, – девушка нервно засмеялась, замолкла и стала смотреть в пол.

– Спасибо, что поделилась, – сказала ведущая, – Кто-то хочет сказать что-нибудь Татьяне?

Она оглядела группу. Я спрятал глаза. Слово взял молодой человек, сидевший справа от меня.

– Таня, у меня было такое состояние. Ты прямо очень похоже описываешь. Я бы знаешь, что хотел сказать… Есть такой момент, что ощущение усталости – оно обманчивое. Немного обманчивое. Я ни в коем случае не говорю, что ты этого не чувствуешь – парень выставил ладони – просто иногда можно начать что-то делать и уже по ходу дела обнаружить, что это легче, чем кажется. Можно встать с целью помыть одну – только одну – тарелку, а там как пойдёт…

– Да, точно, – подхватила другая девушка из группы, – и ещё, конечно, работает КБТ. Берёшь табличку… Пардон! Я беру табличку и пишу, типа, «Помыть посуду – сложность восемьдесят». Начинаю мыть, и оказывается, что она не восемьдесят, а пятьдесят или даже тридцать.

– Понимаешь, Лиз, тут ещё какое дело. Я работала финдиректором до всего этого. И эти электронные таблички у меня вот где… при одной мысли…

– Ну можно взять бумажный блокнотик, ручку…

– А я понимаю, как это бесит, – сказала третья девушка. – Ты лежишь, всё тошно, и тут: на вот, давай заполняй таблички. Пиши в клеточки. Да идите вы в жопу!…

Девушка засмеялась и закрыла лицо руками.

– Простите! – сказала она.

– Так, хорошо, – сказал ведущая. – Быть может, ты что-то скажешь, П***?

Она посмотрела на меня. Все посмотрели на меня.

Я не был готов к вопросу, потому что был занят тем, что пытался найти во всех этих разговорах объяснение истории с роботами. Депрессия – я почитал про эту болезнь. То, что говорили эти ребята, было понятно, хотя я с трудом представлял себе это состояние. Но оно укладывалось в прочитанное. Должно было быть что-то ещё, что выбивалось из общей картины и могло вывести меня на роботов. Могли ли эти мои роботы атаковать человека, сделать так, что тот не может встать и помыть посуду? Причём целого финдиректора.

– Я пока помолчу. Можно? – сказал я.

– Конечно. Но если что-то хочешь добавить к нашему обсуждению, не стесняйся.

Я кивнул.

«Надо будет хоть что-то сказать», – подумал я.

Девушка, которая предлагала заполнять таблички, решила взять реванш:

– Ну и записываешь тоже эту мысль: «Я ничтожество, даже посуду не могу помыть», а рядом пишешь «Я не ничтожество, я просто болею. Это временно». И тебе сразу становится легче. Пардон! Мне сразу становится легче. Что я хочу сказать: депрессия это замкнутый круг, верно?

– Самоподдерживающийся цикл, – сказал парень.

– Ну или так. И рвать его нужно в любом удобном месте.

Если ты не можешь… если я не могу пойти на работу, я считаю себя ничтожеством. Если я себя считаю ничтожеством, я чувствую себя ещё хуже, и у меня ещё меньше сил. Так по спирали и скатываюсь к тому, что не могу зубную щётку поднять. Но стоит только сказать себе, что я не ничтожество – спираль идёт в другую сторону. Лучше написать, конечно.

– Не представляю, как я выйду на работу. Да и зачем? Я проработала несколько лет на этой должности, ничего больше не видела, кроме этих табличек, а потом просто уволилась, потому что не могла продолжать.

– Я тоже думаю, – вклинился я, – зачем? Я работал программистом. А потом… я сидел, водил мышью по коврику и чувствовал, что рука становится тяжелее и тяжелее.

Кто-то кивал, кто-то смотрел с сочувствием, кто-то не смотрел на меня вовсе. Я осмелел и добавил к рассказу кое-то из прочитанного:

– Я стал просыпаться по ночам от чувства… как бы его описать. Как будто опаздываю на поезд. На самый главный поезд в жизни. Весь в поту. И я не понимаю. Вроде бы беспокойство за будущее – это важное чувство. Оно заставляет меня что-то делать. Но оно такое сильное, что парализует.

Ведущая кивнула.

– Самое плохое, что никто не понимает меня, когда я рассказываю… – добавил я.

– Но все считают себя знатоками, – грустно добавил парень из группы и все закивали.

– Спасибо, П***. Кто-то хочет что-нибудь сказать?

Любительница таблиц сказала:

– Когда паника очень сильная, можешь взять блокнотик и отмечать силу эмоции по шкале от одного до десяти. Каждые три минуты: сначала было восемь, потом семь, шесть, четыре… Эмоция пропадает просто потому что за ней наблюдают.

Парень добавил:

– Я читал, у буддистов тоже практики построены на внимательном наблюдении за внутренним миром. Попробуйте сесть неподвижно и просидеть час. Рано или поздно у вас невыносимо засвербит где-нибудь за ухом. Можно почесаться. Но можно и понаблюдать за тем, как свербит, где свербит, что именно свербит. И как оно постепенно проходит. То же самое с печалью. С неотвязным желанием. И с гневом и жадностью.

– Можно нарисовать свою тревогу, – подсказала другая девушка.

– Спасибо, – сказал я.

«Нарисовать тревогу, – подумал я. – Что за бред!»

– А что твой терапевт говорит по этому поводу? – спросила ведущая.

– У меня нет терапевта, – я немного похолодел.

Ведущая, к счастью, не удивилась.

– Я бы всё же рекомендовала такие вещи проработать на личной терапии. Что-то случилось? Почему ты перестал ра-

ботать со своим врачом?

– У меня никогда его не было.

– Хорошо. Я не настаиваю, но могла бы порекомендовать хорошего специалиста.

Встреча закончилась, все попрощались и вышли из комнаты, я остался в коридоре, сел на скамейку и стал перешнуровывать ботинки. Левый, потом правый, потом снова левый – люди всё не расходились. Потом решил, что если я просто буду сидеть, то это будет менее подозрительно. Здесь не задавали вопросов. И я просто оставался на скамейке, пока коридор не опустел. Тогда я встал и не спеша прошёл в одну сторону, потом в другую.

Одна из дверей была открыта – кто-то, видимо, проветривал свой маленький кабинет, потому что была открыта нараспашку и форточка. Я заглянул внутрь – к одной стене жался старый дешёвый диван из Икеи, у другой был заваленный бумагами и книгами стол. Дальнюю стену занимали полки, забитые книгами и разными мелкими игрушками.

– Вы что-то хотели?

Я подпрыгнул. Это был голос старика. Он направлялся в этот самый кабинет, но я перегородил ему дорогу.

– Вы записаны? На какое время?

– Нет, – сказал я, – не записан. Но хочу… То есть… мне нужна личная терапия.

– Вы были на группе?

Я кивнул.

– Хорошо, только вам нужно всё же к администратору сперва. Но раз уж вы здесь, то давайте быстренько согласуем время приёма. Администратор всё равно полезет в мой календарь.

Старик жестом пригласил меня в кабинет, и я прошёл. Врач прошёл следом, опустился в кресло и ткнулся в компьютер.

– Следующий четверг? Первая половина? – спросил он.

– Хорошо, – сказал я.

Старик поднял голову и посмотрел на меня. Это был очень странный взгляд. Он не рассматривал меня с головы до ног, но глядел пристально. Я чувствовал, что его мысли не заняты ничем, кроме меня. И потому он свободно читает обо мне совершенно всё.

Я почувствовал себя неуютно и опустил глаза.

– У вас ничего срочного, я надеюсь? – услышал я голос старика. – Хорошо себя чувствуете?

– Нет, – ответил я. – Меня пугает это. Очень пугает.

На столе среди прочего лежал серый предмет, напоминающий формой то ли луковицу, то ли яйцо.

– Что это? – спросил я.

– Вы видели это раньше? – спросил старик, продолжая меня изучать.

– Нет.

– Хорошо. Я было подумал… когда вы стояли в парке у клиники, не решаясь зайти, то как раз могли встретиться с… ну ладно. Присядьте, пожалуйста. Это… сделал один из пациентов. Как по-вашему, на что похоже?

– На работы художника М***.

Старик поднял брови.

– Вы его знаете?

Я не знал, что ответить, и сделал неопределённый жест ладонью.

– А вы? – спросил я.

– Да, кстати, что он сейчас делает?

– Он умер.

– Ах вот как. Когда?

– Два месяца назад.

Старик потёр лоб. Он о чём-то крепко задумался, мне даже показалось, что на полминуты забыл о моём существовании.

– Как странно! Так вы его знали? Почему вас-то пугает эта штука?

– Хотел бы я знать.

– М*** вам не рассказывал о своих идеях?

– Нет. Ну то есть, да. Что добро и зло существуют сами по себе как поля. Всё такое.

– А с грустью ласково обращаться не учил?

– Э-э-э. Что?

– Вижу, что нет. Так вы его ученик?

– Как сказать… Помощник.

– Простите, я быть может, глупость скажу… вы точно здесь за консультацией?

– А вы точно… психотерапевт?

Старик расхохотался, а потом вместо ответа указал на диплом, висящий на стене в рамке.

– Извините, я не над вами смеюсь. Раз уж вы упомянули имя М***… Давайте так: я расскажу вам о некоторых наших с ним делах. Быть может, вы что-то для себя проясните и расскажете мне о своём с ним знакомстве. Если пожелаете. Идёт?

Я кивнул.

– М***.. Он приходил ко мне не так давно. Возмущался… Тут вот какое дело. Лет сорок назад, когда я был ещё аспирантом, М*** был очень популярен у молодёжи. Вот кто сейчас ходит на художественные выставки? Так и тогда никто не ходил. А М*** вдруг сделал изобразительное искусство актуальным. Но только своё искусство. И ненадолго. Но был, конечно, большим молодцом, пока не тронулся окончательно.

– Разве он был сумасшедшим? – спросил я.

– Я его не освидетельствовал, – ответил старик с нажимом, – но общался несколько раз вплотную. Мы с коллегами позаимствовали у него идею. Он делал картины, цепляя датчики к людям. К горлу в частности. Человек мог увидеть, визуализировать свой комок в горле. Мы решили, что в этом

есть терапевтический потенциал. Буддисты веками учат наблюдать за внутренним миром и многие проблемы решают именно тем, что изучают свои эмоции очень долго и пристально.

Проблема в том, что мало кто готов наблюдать за своей психической механикой по часу в день. И мы стали изобретать различные техники. Ещё когда я учился, у нас в арсенале был приём: попросить человека нарисовать свою депрессию, свою печаль, свой страх, свой комок в горле. Теперь мы смогли показать этот комок на экране. Распечатать. Человек мог поговорить со своим комком. Выслушать свою печаль, а не глушить её. А мог сжечь распечатку. Мог сделать самолетик и запустить с балкона в парк. Отправить письмом за океан. Это неплохо помогает, когда работаешь с большим депрессивным расстройством, особенно тревожного спектра.

Потом мне пришла идея печатать модели комков на 3D-принтере. А потом и… ну и…

Он взял со стола серый комок и показал мне.

– А-а-а, – сказал я.

– Именно. А вы что думали?

– Я не знал, что и думать. Ломал голову.

– Давно ломали?

Я понял, что нет смысла юлить.

– Тут вот какое дело… – сказал я.

И выложил всё с самого начала. Психотерапевт застыл, как будто я накладывал ему гипс на руку, а он не шевелился,

чтобы не мешать.

Когда я дошёл до конца, он кивнул и с видимым удовольствием сменил позу.

– Прогуляемся в ваш гараж?

Не дожидаясь ответа, он взял шляпу и направился к выходу.

– Я привык что люди мгновенно узнают свой комок. У каждого он особенный. Человек бессознательно формирует это изображение под себя. Комок похож на его печаль. Печаль, тоску, сожаление, душевную боль, грусть, меланхолию, скорбь, огорчение, уныние, горечь.

– Вы знаете очень много грустных слов.

– Это профессиональное. Так вот, мы придумали эту технику: создавали эти самые комки по изображениям клиентов и давали им, чтобы те отпускали их в лес. Благо он у нас тут прямо за дверью.

Но да, вы правы: наверное, человек далёкий от нашей среды, совершенно не поймёт, что это перед ним, если увидит комок. Решит, что это какая-то ходячая картофелина. Но М***… он как-то прознал, чем мы занимаемся. Он пришёл ко мне несколько лет назад.

Старик замолчал, вспоминая.

– И что же?

– Когда то очень давно, – продолжил он после длинной паузы, – он написал стихи. Надо же, я до сих пор помню:

Он пригрозил мне, что бог нас сорвёт
Но мы ещё только зреем
Он уверял, что любой самолёт
Был в детстве воздушным змеем

Любил он всё одушевлять. Всё подряд. Так до старости эту привычку, видимо, и сохранил.

– Вы выпускали комки из горла в лес? Как-то странно звучит.

– О… Это не самое странное, чем занимаются терапевты. Видели бы вы, как у нас в городе кое-кто проводит групповые сеансы гипноза. Мне жалко пациентов. Сидит человек в трансе, а на него орут: «Рви пуповину!!! Рви пуповину!!! Рви пуповину!!!». А мы-то что.

– Но погодите. Я не специалист, конечно, но когда-то давно на тренинге слышал, что если мы отворачиваемся от неприятной эмоции, мы бежим от проблемы, и на самом деле надо принимать свои обиды, а проблемы решать.

– Всё верно. Это работает для здорового человека, а не для человека с клинической депрессией. К сожалению, очень мало кто понимает, что такое на самом деле депрессия. Но каждый считает себя знатоком. И наш общий друг тоже. Так вот: несколько лет назад этот самый М*** пришёл ко мне без приглашения и заявил буквально, что печаль нельзя так просто прогонять. Нехорошо мы с ней поступаем.

– С печалью?

– Именно. Вы знаете эти его идеи: что всё существует само по себе наподобие поля. Печаль, зло, добро, ненависть. Я, конечно, возражал ему, говорил, что печаль это эмоция, явление психики. Реакция мозга на внешние сигналы. А то что оно у нас тут на ножках бегает, ну так это терапевтическая игра. А он…

– А что он?

– Нёс какую-то ахинею.

– А, да. Это он умел.

– И, видимо, не ограничился разговорами. Но в тот день просто ушёл. Я не придал значения. Видимо, я его недооценил.

– Значит, он стал собирать выпущенные… эээ… комки в горле?

– Ха! – вдруг закричал терапевт. – Стал собирать! Не то слово! Вы не поняли ещё? Он поселился рядом с парком! Он их подбирал, как раненых птичек! Он ремонтировал их! Сколько вы говорите? Два года?

– Два года. С лишним.

– Ооо. Вы меня без ножа режете. Вы теперь мне объясните, как он их подбирал? Я, между прочим, доплачиваю дворнику, чтобы он находил их в лесу и сдавал в утиль. Не пугать же грибников, верно? И что он сделал с дворником? Подкупил? Перехитрил? А данные пациентов? Он откуда их брал? Воровал? О-о-ох.

Я не ответил. Я представлял себе, как М*** ходит этими тропинками, ощупывает их своим колючим взглядом. Быть может, поэтому у него были красные слезящиеся глаза: он целыми днями высматривал серых роботов в полутьме. Подкрадывался к опушке и наблюдал, как новый пациент отпускает свою печаль в лес. И та бежит в темноту, чтобы заблудиться и умереть, но попадает в тёплые руки М***.

Мы дошли до гаража.

– Ну что ж, – сказал я. – Вот они все. Теперь ваши.

И ясно вспомнил, что они здесь не все.

Терапевт прочитал мою мысль и кивнул.

– У меня семь давних пациентов внезапно слегли с рецидивами. Подумать страшно, что человек переживает, когда его комок в горле приходит к нему пешком средь бела дня. Я сам в первый раз чуть сердечный приступ не заработал.

– Но вы же профессионал. Вы же сами их делали!

– Терапевты тоже люди и имеют право на любые эмоции, – отрезал старик.

Я открыл гараж и мы заглянули внутрь.

На полках стояли комки. Если бы я увидел что-то подобное в художественной галерее, я бы решил, что художник псих, и тот, кто за это платит, тоже псих. Но сейчас мне казалось, что это самая красивая вещь, которую я видел в жизни. И самая грустная.

Старик посмотрел на стеллажи с роботами и покачал головой. Он огляделся, увидел стул, на котором я провёл эти

дни, крошки чипсов, коробки из-под молока, мои инструменты и пакет с проводами. Глянул на меня коротко, но никак не прокомментировал увиденное. Снова посмотрел на ряды механоидов и вздохнул.

– Вот натворили мы дел, – сказал старик. – И я, и М***, и вы тоже хороши. Чёрт бы вас побрал. Зачем вы выпускали их?

– Ну… я же не мог предположить…

– Да знаю, – махнул рукой старик. – Давайте-ка от греха подальше выключим их всех. А лучше вывезем на свалку и сожжём. Что вы так смотрите?

Я пожал плечами.

– Они… Красивые. То есть, не красивые, конечно, но… как живые.

– Да, понимаю, – серьёзно сказал он. – Вам их жалко?

Я не знал, что ответить, и, к счастью, меня отвлёк колокольчик входящего сообщения. Я сделал вид, что сообщение срочное и невидящими глазами уставился на экран смартфона. Когда до меня дошёл смысл прочитанного, мне стало ещё более неловко.

Но я не придумал ничего лучше, чем прочитать сообщение вслух.

«Ну что там с контроллерами MX5? Предлагают $750 за штуку, если подгонишь 25шт рабочих».

– На запчасти хотите сдать? Это правильно. Люди потом сделают что-нибудь полезное. Перепаяют печаль на радость.

Вот как чудесно-то в современном мире.

– Нет, – сказал я и сам удивился, – не дам. Это… это…

Я указывал руками на полки, но не мог подобрать слово. Старик ждал с интересом.

– Это искусство! – наконец сообразил я.

– Ну и что? Музей откроете?

– Почему бы и нет. Вы считаете, никто не придёт смотреть? Это не искусство?

Старик задумался, но ненадолго.

– Двадцать пять чипов по семьсот пятьдесят долларов, верно? Я правильно расслышал?

Я смутился, но кивнул. Старик пошевелил губами, подсчитывая.

– Ну что я могу сказать, молодой человек? Вы только что на моих глазах отказались от двадцати тысяч долларов ради удовольствия смотреть на чужую печаль. Кажется, вы правы: это искусство. Одному человеку плохо, другой на это смотрит. Третий за это берёт деньги.

Мы помолчали.

– Вам печально? – спросил терапевт. – Что ещё чувствуете? Трудно глотать?